

«Молюсь за тех и за других...»

Август в Крыму — месяц памяти Максимилиана Волошина

Несмотря на то, что Максимилиан Волошин жил в мире, раздираемом противоречиями, революциями и войнами, в эпоху разрухи, террора и голода, он всегда находил возможность помочь человеку остаться человеком

В самые трудные времена он делился с людьми всем, чем мог. Дарил то, что у него было: слово, мысль, надежду, правду, оптимизм, веру в будущее.

В оценках Волошина и его творчества нередко такие эпитеты, как «печать трагической растерянности», «смятение русского интеллигента», «абстрактный гуманизм», «стремление остаться над схваткой». Собственная же позиция поэта выражена в стихотворении «Гражданская война»:

*В тех и других война вдохнула
Гнев, жадность, мрачный хмель разгула...
А я стою один меж них
В ревушем пламени и дыме
И всеми силами своими
Молюсь за тех и за других.*

Заслужив признание современников, он был надолго забыт. Только в 60-е годы прошлого века оживился интерес к его личности и творчеству. Теперь Волошина хорошо знают как человека необычной судьбы, большой культуры, всесторонней эрудиции, тонкого и изящного вкуса, пламенной, страстной души. Его творчество — это сложный путь постоянных исканий, находок и разочарований.

Детство и молодость поэта прошли в Москве. Он поступил в Московский университет на юридический факультет, но за участие в студенческой забастовке был отчислен. И отправился в Среднюю Азию. «Полгода, проведённые в пустыне с караваном верблюдов, — писал он, — были решающим моментом моей духовной жизни. Здесь я почувствовал Азию, Восток — древность, относительность европейской культуры». После этого можно было учиться у Европы: «...художественной форме — у Франции, чувству красок — у Парижа, логике — у готических соборов, средневековой латыни — у Гастона Париса, строю мысли — у Бергсона, скептицизму — у Анатолья Франса, прозе — у Флобера, стиху — у Гюте и Эредиа».

Первый сборник Волошина «Стихотворения» вышел в 1910 году. К этому времени в Европе он был уже признанным художественным критиком. Его статьи постоянно публиковались во французских газетах и журналах. Теперь же Волошина узнали и как незаурядного, самобытного поэта, уходящего корнями творчества в две культуры — русскую и французскую — и впитывающего в себя «весь трепет жизни веков и рас». В те же годы он «перенял абстрактный гуманизм, лишённый классового сознания», «склонность к духовно-религиозному восприятию мира».

Волошин никогда не состоял ни в одном художественном объединении, ни в каких партиях, всегда пытаясь идти самостоятельным путём, отстаивать независимую позицию. Он полагал, что всё впитывая в себя, но ничего в целом не принимая, он сможет найти своё видение мира и свой способ его отражения.

Творчество, утверждал Волошин, это откровение, постижение мира иными, не рассудочными путями. «Истинное художественное произведение, — считал он, — вырастает в душе так же органично и бессознательно, как цветок растения». В этом поэт был согласен с символистами, что не мешало ему идти самостоятельной дорогой Серебряного века. Волошин понимал, какова сила эмоционального воздействия искусства на людей, но понимал также и право людей знать правду. По его мнению, «реализм — это вечный корень искусства,

который берёт свои соки из жирного чернозёма жизни».

К революции у Волошина было двойственное отношение: симпатия к историческому сдвигу, который происходит в результате революционных преобразований, и антипатия к террору. Он писал:

*Принявший меч погибнет от меча.
Кто раз испил хмельной отравы гнева,
Тот станет палачом или жертвой палача.*

В автобиографии 1925 года Волошин напишет: «Коктебель не сразу вошёл в мою душу: я постепенно осознавал его, как истинную родину моего духа. И мне понадобилось много лет блужданий по берегам Средиземного моря, чтобы понять его "единственность", открыть оригинальность и красоту Коктебеля». Этот «светлый, вечно юный, цветущий, прекрасный, чудесный» край Волошин потом полюбил на всю жизнь и связал с ним свою судьбу и творческую биографию. При первой возможности он мчался в Коктебель, куда стремилась его свободная, жаждущая душа. Ни пленительный Париж, ни впечатляющее Средиземноморье, ни яркая красота Италии никогда не приглушали в поэте главной любви. Недаром друзья в шутку называли его «Макс де Коктебель».

Античную историю этого края Волошин воссоздавал в своих стихах и рисунках, утверждая: «Художник должен перестрадать ту землю, которую он пишет. Он должен пережить историю каждой её долины, каждого холма, каждого залива. Опыт сердца, исходившего тоской в её сумерках, и опыт ступней, касавшихся её тропинок, ему дают не меньше, чем впечатления глаза».

С пейзажной лирикой Волошина всегда были связаны его акварели. Десятками в день выходившие из-под кисти, они мастерски изображали лик земли «святой и древней». Горы, долины, небо, море, закаты, рассветы, буйная весна, щедрая осень. С акварелей словно веет эпохой, когда на этой земле не было наслонений человеческой культуры, когда она только предчувствовала появление человека...

С 1903 года берёт начало история рождения дома Волошина на берегу лазуревой бухты — в два этажа, между двух ручьёв. В нём при жизни хозяина жили М.Пришвин, Н.Гумилёв, А.Толстой, В.Брюсов, М.Цветаева, О.Мандельштам, А.Белый, А.Грин, М.Булгаков, Л.Леонов, К.Чуковский, В.Ходасевич и многие другие знаменитости. В 1912-1913 годах дом приобретает окончательный облик — к нему пристраивают высокую мастерскую, на её антресолях возникает рабочий кабинет, сверху всё строение завершает квадратная «вышка».

Здесь, в Коктебеле, Волошин готовил к изданию упомянутую ранее свою первую поэтическую книжку, заметную часть которой составили киммерийские стихи. Здесь же был завершён сборник «Иверни», увидевший свет в 1918 году.

Февральская революция не нашла широкого отклика ни в душе, ни в поэзии Волошина, но именно тогда ему «стало понятно, что это только начало, что Русская Революция будет долгой, безумной и кровавой». Поэтому Октябрьская революция не застала его врасплох. Но на настоятельные уговоры друзей уехать из России Волошин отвечал категорическим отказом: «Когда мать больна — дети её остаются с нею».

Все «волны гражданской войны» — в Крыму особенно жестокой и долгой — проходят над головой поэта, но из её огня он выносит лишь более острую любовь к своей Киммерии. В эти кровавые дни он спасал людей друг от друга, не интересуясь их политическими симпатиями и убеждениями. Красных прятал от белых, белых — от красных:

*В те дни мой дом — слепой и запустелый —
Хранил права убежища, как храм.
И растворялся только беглецам,
Скрывавшимся от петли и расстрела.
И красный вождь, и белый офицер —
Фанатики непримиримых вер —
Искали здесь, под кровлею поэта,
Убежища, защиты и совета.
Я ж делал всё, чтоб братьям помешать
Себя губить, друг друга истреблять.*

У Волошина скрывался муж Марины Цветаевой Сергей Эфрон, которому он помог эмигрировать за границу. Летом 1919 года поэт спас от белогвардейского самосуда составителя «Легенд Крыма» Никандра Маркса. Этим же летом вызволил из застенков белых Осипа Мандельштама. Осенью Волошин ходатайствовал о неприкосновенности библиотек, собраний картин, трудов учёных и писателей, требовал освободить от воинского постоя галерею Ивана Айвазовского.

Когда Крым окончательно стал советским, в Феодосии был создан Народный университет, ректором которого назна-

чили Викентия Вересаева. Открылся он лекциями Максимилиана Волошина, который затем с мандатом заведующего охранной памятников древности и искусства пытался и далее спасать культурные ценности Крыма.

С 1923 года дом Волошина постепенно оживает. После смерти матери поэт он превращается в приют для писателей, художников и учёных. В 1923 году здесь отдыхали 60 человек, в 1924 — 300, в 1925 — 400. У Волошина они находили бесплатный кров и отдых, радушный приём, благодать моря, тепла и солнца. Большую часть забот по дому несла на себе Мария Заболоцкая, которая в 1923 году стала женой Волошина. Каким образом им удавалось прокормить такое количество гостей — не ясно. Известно лишь, что Волошин не раз писал письма с просьбой о выделении государственных субсидий, но безрезультатно...

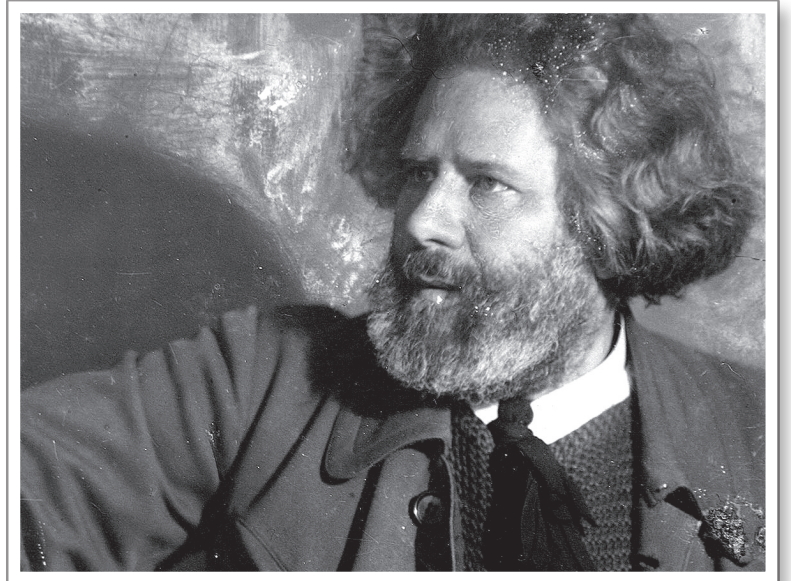
В доме Волошина люди оживали, здесь звенел смех, звучала музыка. Большую часть гостей составляла молодёжь, входившая в литературу, которой было чему поучиться у профессионалов. Так, Михаил Булгаков читал здесь «Роковые яйца», «Собачье сердце» и другие свои произведения. Тут же впервые слушали роман Вересаева «Из тупика». Все вместе гости устраивали дружеские мистификации, поэтические конкурсы и встречи с любителями поэзии, ставили спектакли, читали только что написанные стихи, обсуждали свежие публикации, философские рефераты, много спорили.

Менялись времена, но Волошин продолжал жить по своим законам. Местный совет третировал его как буржуа-домовладельца и требовал выселения из Коктебеля. Фининспекторы учиняли проверки, не желая верить, что гости Волошина живут у него бесплатно. Поэта оставили в покое только 31 марта 1924 года, когда сам нарком Луначарский подписал и выслал в Коктебель «охранный» документ.

Сердцем гостеприимного дома всегда была мастерская Волошина — обитель

его неуёмно бьющей энергии и страсти, средоточие его замыслов, сбывшихся и несбывшихся. Большая высота и потоки солнечных лучей создают здесь иллюзию пленэра, на котором легко дышится и легко работает. Четыре высочайших полукруглых окна открывают чудесную панораму: от горы Кучук-Енишар на востоке до горы Кок-Кая на западе. А посередине — Коктебельский залив. На высоком постаменте, украшенном большим рисунком древней галереи, стоит скульптурный портрет знаменитой египетской царицы Таиах. У мистификатора Волошина, как вспоминала его жена, с царицей были свои отношения. В середине августа, который поэт считал особенным месяцем, во время полнолуния лунный свет точно падал на лицо царицы. От этого её улыбка становилась ещё более чарующей, и этих мгновений Максимилиан каждый год ждал как священного ритуала.

Удивительна библиотека Волошина, которую он собирал всю жизнь. Она насчитывает более 9000 изданий, свыше 3000 из них — на французском языке, которым поэт владел в совершенстве. Много книг

на английском, немецком, итальянском — он читал их со словарями. «Книги, природа и люди, — говорил Волошин, — это три ступени моей души».

В последние годы жизни поэт часто болел, здоровье ухудшалось травли местных властей, голод, безденежье, ложное восприятие его творчества. Коллективизация (с концлагерем для «кулаков» близ Коктебеля) и голод 1931 года, вероятно, лишили Волошина последних иллюзий насчёт скорого перерождения «народной» власти. Всё чаще им стали овладевать «настроения острой безысходности». Его попытки официально передать свой дом Союзу писателей и таким образом обеспечить какой-то статус, наталкивались на стену равнодушия литературных чиновников. На глазах рушилось всё, что он с такой любовью собирал в течение жизни и хотел завещать потомкам. Наступили «дни глубокого упадка духа». В июле 1932 года обострилась давняя астма, которая осложнилась воспалением лёгких, и 11 августа 1932 года Максимилиан Волошин не стало.

Похоронили его на горе Кучук-Енишар, где он и завещал, откуда открывается неповторимая панорама «Страны синих скал». Дом-музей и его библиотека во время войны были сохранены неимоверными усилиями жены Волошина. Когда в 1943 году фашисты хотели взорвать дом, она вошла в него и сказала: «Взрывайте, но только вместе со мной». Сегодня Мария Степановна покоится рядом с мужем...

Вячеслав ЛОЖКО
Печатается в сокращении